

У входа в переулок Уэйхуа, услышав слова Чжан Сяопана, Чэнь Хуайань почувствовал, как у него внутри всё оборвалось, и мысленно выругался: «Беда!» Без лишних слов он крутанулся на месте и помчался по дороге, ведущей к уездному управлению.

Чжан Сяопан посмотрел на стремительно удаляющегося Чэнь Хуайаня — тот в мгновение ока скрылся из виду. Желая поспешить следом, чтобы спасти младшую сестру, Сяопан невольно замер на миг, топнул ногой и тоже бросился к уездному управлению по следам Чэнь Хуайаня.

Чэнь Хуайань шагал с невероятной скоростью. Даже когда на пути попадались торговцы с лошадьми и телегами, он, благодаря своему превосходному мастерству, взмывал в воздух и перемахивал через них, словно расправляющий крылья могучий орёл.

Не прошло и четверти часа, как Чэнь Хуайань долетел до перекрёстка у уездного управления. Перед его глазами предстали врата ведомства, окружённые плотной толпой зевак в три с лишним слоя.

Только он собрался растолкать людей и пробиться внутрь, как до его слуха донёсся надрывной, полный боли крик младшей сестры, доносившийся из глубины двора:

— Брат!

В этом зове о помощи Чэнь Хуайцзинь отчетливо слышались страх и горькая обида, отчего у Чэнь Хуайаня на миг остановилось сердце.

Не раздумывая, он сделал мощный прыжок, перелетел через головы толпы и, подобно огромному орлу, влетел в главный зал уездного управления, как раз вовремя увидев, как двое судебных служащих собираются применить наказание к его младшей сестре.

— Подлые негодяи, какая наглость!

У Чэнь Хуайаня глаза едва не лопнули от гнева. Не давая никому опомниться, он изо всех сил оттолкнулся ногами от пола и коршуном бросился на тех двоих.

Одним ударом ноги Чэнь Хуайань отбросил служащего, державшего деревянную дощечку для наказаний. Тот полетел напрямик вперёд, снёс судейский стол уездного начальника и покатился по полу вместе с самим начальником, похожим на тощую мартышку.

Одним ударом кулака Чэнь Хуайань разбил хватку второго служащего, вцепившегося в волосы Чэнь Хуайцзинь, тут же схватил его за шиворот и, словно цыпленка, выбросил прочь из зала — бедняга отлетел на добрых полтора чжана.

Сразу после этого он подхватил младшую сестру с земли и крепко прижал к себе её хрупкое, худощавое тело, глядя на неё переполненным жалости и нежности взглядом.

— Хуайцзинь, не бойся, всё позади.

— Брат вернулся, брат никому больше не позволит тебя обижать.

Маленькая девочка, смертельно испуганная перед самым наказанием, вдруг оказалась укутана в знакомое, согревающие объятия.

Услышав голос брата, она уже не могла сдерживать слёзы — те хлынули ручьями, подобно прорванной плотине.

— Брат! Они все говорили, что ты погиб, а я знала! Я так и знала, что ты не умрёшь!

Глядя на заплаканное, несчастное лицо сестры, Чэнь Хуайань чувствовал себя так, будто его сердце сначала сжала чья-то гигантская рука, а потом начала медленно мять и терзать, причиняя невыносимую, жгучую боль.

Пока брат и сестра утешали друг друга, окружающие чиновники и стражники стояли с отвисшими челюстями. Те двое служащих, которых Чэнь Хуайань отправил в полёт, всё ещё катались по полу, сточа от боли.

Задетый по касательной престарелый начальник уездного управления всё ещё был придавлен обломками, едва не теряя сознание от нехватки воздуха. Он мог лишь жалобно бормотать:

— Эй, люди, помогите же убрать эту рухлядь, старик совсем задыхается!

Чжу Гуй от пережитого страха пятнулся назад, пока шлепком не рухнул на задницу прямо на пол.

Во всём уездном управлении поднялся невероятный кавардак, а толпа зевак за воротами вмиг взорвалась гулом — люди принялись наперебой громко обсуждать происходящее.

Чэнь Хуайань притащил из глубины зала стул, усадил на него всё ещё дрожащую от пережитого ужаса Чэнь Хуайцзинь, после чего шагнул перед сестрой, надёжно отгородив её от всех чиновников и стражников, и неподвижно замер.

— На, наглый разбойник! Сметь распускать кулаки в присутствии суда! Ты кто такой, назовись!

Начальник уездного управления, подхваченный под руки парочкой служащих, наконец шатаясь поднялся на ноги. Сразу же последовал допрос с пристрастием, вот только голос его звучал слабо и дрожаще, напрочь лишённый какой-либо уверенности — казалось, тот самый удар ноги Чэнь Хуайаня только что вышиб всю мнимую солидность уездного управления.

Слегка сложив кулаки в приветствии, Чэнь Хуайань ответил:

— Докладываю вашему превосходительству: младший офицер уездного управления, Чэнь Хуайань!

Услышав этот ответ, в глазах начальника мелькнуло сильнейшее изумление, и он принялся дрожащим голосом отчитывать парня:

— Дерзкий Чэнь Хуайань! Ты предал родину, снюхавшись с демонами, так как у тебя хватило наглости вернуться?!

— О?

Брови Чэнь Хуайаня, резкие, будто высеченные ножом, взметнулись вверх:

— Это я-то предал родину и снюхался с демонами? Интересно, кому же взбрело в голову выдумать и повесить на меня столь нелепое обвинение?

С этими словами его взгляд, полный убийственного холода, устремился на сидящего на полу Чжу Гуя.

— Не ты ли, мой дорогой господин Чжу?

Чжу Гуй смотрел на пыльное, но прекрасное лицо Чэнь Хуайаня, но видел перед собой не иначе как порождение преисподней. Сердце в его груди застучало с бешеной скоростью: тук-тук-тук, губы беззвучно зашевелились, но вымолвить он не смог ни единого слова.

— Дерзкий Чэнь Хуайань! Ты сколько угодно можешь утверждать, что не продавал родину демонам, но твои же собственные сослуживцы единогласно обвинили тебя! Они заявили, что ты втайне водил шашни с тем демоном-пауком из Пещеры Паути! И ты ещё смеешь оправдываться?!

Начальник уездного управления, подавленный исходящей от Чэнь Хуайаня жуткой кровожадностью, втянул голову в плечи. Хоть его губы и дрожали, он всё же выдавил из себя обвинения.

— Ха!

Хуайань холодно усмехнулся. Он заранее просчитал, что дело обернется именно так, и в прошлый раз сделал кое-что лишнее как раз для того, чтобы иметь возможность доказать свою невиновность. Не теряя времени, он отвязал со спины лапу фиолетового демона-паука и бросил её прямо в самом заметном месте уездного зала.

— Говорите, я сообщник демонов? Боюсь, доказательств у вас на это нет. Зато я лично уничтожил демона-паука в логове Пещеры Паутин — вот её паучья лапа. Вещественное доказательство налицо: интересно, ваше превосходительство верит им или мне?

В глазах Чэнь Хуайаня вспыхнул острый, пронзительный блеск, когда он посмотрел на начальника.

Тот самый тощий уездный начальник уставился стекленеющим взглядом на обрубок чудовища, рухнул обратно в своё кресло и вмиг затрясся всем телом, словно в лихорадке.

Если уж начальник впал в такой ступор, то сидевший на полу Чжу Гуй и вовсе дрожал от страха всем существом. Вскоре окружающие уловили резкий специфический запах — от пережитого ужаса чиновник просто-напросто обмочился.

Лапа фиолетового паука! Да это же сама Государыня Паньсы! Могущественный демон Стадии Принятия Облика!

Чжу Гуй в страшном сне не мог представить, что Чэнь Хуайань, будучи отравленным и вырубленным им же самим, сумеет чудом спастись на волосок от смерти, да еще и прикончит эту кошмарную Государыню Паньсы, словно какого-то захудалого зверя!

В этот миг Чжу Гую казалось, что стоящий перед ним молодой мужчина — самое жуткое создание на свете, самый ужасный демон, забирающий жизни. У него пропали даже малейшие мысли о сопротивлении.

Учитывая жестокие методы Чэнь Хуайаня и устрашающий вид отрубленной конечности Государыни Паньсы, во всём зале, кроме маленькой Хуайцзинь, не нашлось ни единого человека, который осмелился бы встретиться с ним взглядом.

Куда бы ни падал его взгляд, даже сам начальник уездного управления невольно отводил глаза, лишь бы не пересекаться взглядом с пылающим яростью Чэнь Хуайанем.

Чэнь Хуайань медленно сделал несколько шагов и остановился перед Чжу Гуюем. Внезапно он оперся на левую ногу, а правую отвел назад, подготавливая удар.

Затем последовал мощный, наполненный разрушительной силой удар ноги, подобный удару по мячу, сопровождаемый яростным свистом рассекаемого воздуха — прямо в пах Чжу Гую.

Его совершенно не волновало, что Чжу Гуй только что наделал в штаны со страху: в конце концов, он сам целый день сражался не на жизнь, а на смерть среди полчищ нечисти и был весь в грязи и крови — дома ему всё равно предстояло как следует вымыться и переодеться.

— Господин, господин... умоляю, пощади...

Слова мольбы перепуганного до смерти Чжу Гуя так и замерли на губах: его массивное тело весом за двести цзиней взмыло в воздух.

Раздался глухой звук хруста — это треснуло мужское достоинство. Мгновенно весь главный зал уездного управления наполнился неизбывной тоской по разбитым яйцам.

Тучное тело Чжу Гуя со всего маху влетело в толстый опорный столб толщиной в два обхвата. От удара затряслось всё уездное ведомство, испустив глухой стон, а с балок посыпалась мелкая пыль.

Мясистая туша рухнула на пол, глаза Чжу Гуя закатились, и он потерял сознание.

Однако на лице Чэнь Хуайяня, собственными руками совершившего расправу, не отразилось ни радости, ни печали. Если бы в стенах уездного управления дозволялось убивать, этот удар он нацелил бы прямо в свиную башку мерзавца...

<http://bllate.org/book/21071/2141450>